

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМНЫЕ ПРОЕМЫ

Школьная подруга	9
Мертвые идут!	49
Выбор оружия.....	98
Зал ожидания.....	154
Изменчивый вид	172
Повязки для твоих волос	223

ТАЙНЫЕ ДЕЛА

Ravissante	267
Скрытые покои	312
Венеция не стоит свеч.....	364
Растревоженная пыль	410
Дома русских	475
Твоя краса цветком увянет	515
Периегеты.....	538
Уход в лес.....	558

ШКОЛЬНАЯ ПОДРУГА

Тайное желание каждой женщины — чтобы ей воспользовались.

Принцесса Элизабет Бибеско

Ложная скромность — отрицать, что мы с Салли Тесслер были в школе очень умными, смышлеными девчонками. Позже стало ясно, что я поспешила свой ум растратить; Салли же оставалась толковой еще довольно долгое время. Как многие мужчины и немногие женщины, даже среди склонных к учености, Салли сочетала в себе настоящую любовь к классической литературе с пониманием математики, которая даже в той малой степени, что меня интересовала, казалась мне чем-то сродни магии. Салли выиграла три почетных стипендии, удостоилась двух золотых медалей и экскурсии в Грецию с полной оплатой всех расходов. Еще до окончания учебы она опубликовала небольшую книжку по популярной математике, которая, как я поняла, принесла ей удивительную по меркам тех лет прибыль. Позже она редактировала несколько менее значительных латинских авторов,

издававшихся настолько небольшими тиражами, что ничего, кроме внутреннего удовлетворения, принести ей они не могли.

Основы ее эрудиции почти наверняка были заложены еще в раннем детстве. Слышала, что ее отец, доктор Тесслер, некогда стал жертвой какой-то серьезной несправедливости — или полагал, что такое с ним произошло; я вполне была готова поверить соседской молве, утверждавшей, что он — затворник, никогда не выходящий из дома. Сама Салли однажды сказала мне, что она не только ничего не помнит о своей матери, но никогда не встречала никаких свидетельств или записей о ней. Говорили, что с самого начала Салли воспитывал один отец. Ходили слухи, что воспитание доктора Тесслера состояло из трех частей: чтение, тяжелая работа по дому и послушание. Я пришла к выводу, что он использовал последний элемент, чтобы усилить два первых: когда Салли не мыла пол или посуду, она штудировала Вергилия и Евклида. Даже тогда я подозревала, что способы, с помощью которых доктор изъявлял свою волю, не выдержали бы проверки со стороны родительского комитета. Но когда Салли впервые появилась в школе, оказалось, что за ее хрупкими плечами — солидный багаж знаний почти по каждому преподаваемому предмету, а также по некоторым, еще пока не преподававшимся.

Понятное дело, такая заучка не могла не вызвать немалое раздражение у наставниц. Она стабильно не дотягивала пару лет до среднего возраста своей группы, но на пару голов опережала сверстниц по части образованности. Она уважала мудрость своих учителей

лей... но столь же почтительно замечала ее отсутствие. Однажды я попыталась выяснить, по какому же предмету доктор Тесслер получил свою академическую степень; ничего не вышло — но, конечно, в те времена от немца ожидалось, что он будет врачом.

Дело было в первой школе, которую посещала Салли. Я была ученицей того же класса, к коему она была первоначально приписана — но в котором задержалась менее чем на неделю, настолько ошеломляющим и затмевающим остальных учеников оказался объем ее знаний. В то время ей было тринадцать лет и пять месяцев; почти на год моложе меня. Надо сказать, что в конце семестра я тоже перешла в новый класс — и после этого придерживалась примерно того же академического курса, что и девчонка-вундеркинд. Возможно, я была ей до того очарована, что невольно тянулась за ней.

Ее волосы были удивительно красивыми — идеально светлые, блестящие, но коротко подстриженные и не уложенные каким-либо определенным образом, пребывающие в некотором беспорядке. У нее были темные глаза, бледная кожа, крупный выдающийся нос и пухлые губы. Кроме того, у нее была стройная, но не по годам развитая фигура — позже она даже напомнила мне Тессу из «Верной нимфы»¹. Хорошо это или плохо, но школьной формы у нас не было, и Салли неизменно появлялась в темно-синем платье ино-

---

¹ «Верная нимфа» — экранизация скандального бестселлера Маргарет Кеннеди, затрагивающего тему сексуальности девушки-подростка (1943). — Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.

странных покровов и чрезвычайной простоты, которое тем не менее подчеркивало ее внешность. Вырастая, она появлялась словно в новых изданиях того же пальто, новых и более крупного размера, как некоторые публикации.

Салли и в самом деле была красива; но вряд ли часто встретишь такую прекрасную девушку, которая совершенно искренне не осознавала бы этот факт и его последствия. И, конечно же, небрежность во внешности и простая одежда добавляли ей очарования. Ее нрав казался мне до крайности добрым и беззаботным; даже в голосе ее находила отражение эта свойственная ей беспечность, будто заставляя лениво растягивать слова. Но тем не менее, казалось, Салли жила лишь для того, чтобы учиться. Я, будучи ее лучшей подругой, знала о ней прискорбно мало.

Казалось, у нее вообще не было карманных денег: поскольку это представляло собой социальный разрыв огромной величины, а мои родители были весьма щедры (и могли себе это позволить) — я регулярно делилась с ней. Она принимала мою помощь тепло и непринужденно — взамен часто даря небольшие книжки. Например, экземпляр «Фауста» Гете на языке оригинала, в странно выглядящем коричневом кожаном переплете; издание Петрония с выдающимися рисунками... Много позже, когда уже мне самой понадобились деньги, я без особой надежды отнесла «Фауста» в аукционный дом «Сотбис» — оказалось, что это заново переплетенное первоиздание.

Но именно разговор об иллюстрациях к «Сатирикону» Петрония — для девочки я прилично разбирала

латынь, но меня на меня наводили уныние наклонное начертание букв и длинные «*s*»¹, — привел меня к открытию, что Салли знала о предмете этих иллюстраций больше, чем кто-либо из сверстниц. Несмотря на этот не по возрасту солидный багаж, она казалась (и тогда, и долгое время после) совершенно незаинтересованной в какой-либо личной жизни. Рассуждая на смелые темы, Салли будто говорила — в самой беспечной, умильной манере — о какой-то далекой-далекой вещи или, если использовать нелепо-избитое, но уместное здесь сравнение, о ботанике. Наша школа в этом плане ничем не выделялась — половой вопрос стоял традиционно остро; но позиция Салли выглядела удивительно свежо и необычно. В конце концов она попросила меня не рассказывать остальным о том, что поведала мне.

— Как будто мне это нужно! — ответила я вызывающе, но все же с некоторой задумчивостью.

И, вообще-то, я сдержала слово — никому не распространяясь даже много позже, уже тогда, когда поняла, что научилась от Салли вещам, о которых, похоже, вообще никто ничего не знал. Вещам, которые, как мне иногда кажется, сами по себе немало повлияли на мою жизнь. Однажды я попыталась прикинуть, сколько лет Салли было на момент того разговора. Думаю, едва ли больше пятнадцати.

В конце концов Салли выиграла университетскую стипендию, а я потерпела неудачу, но удостоилась

---

¹ В древнеримских текстах использовались два знака для «*s*» — короткое и длинное; длинное «*s*» использовалось везде, кроме концов слов.

школьной премии за эссе по английскому языку, а также медали за хорошее поведение, которую я считала (и до сих пор считаю) стигмой, но утешительно полагала, что ее вручили скорее моим терпеливым родителям, чем мне самой. Поведение Салли явно отличалось от моего в лучшую сторону — можно сказать, она держала себя безупречно. Я подала заявку на стипендию с намерением заставить экзаменаторов — в том маловероятном случае, если я ее выиграю, — вручить ее Салли, действительно в ней нуждавшейся. Когда этот, как я теперь понимаю, неосуществимый план доказал свою ненужность, мы с Салли разошлись по разным берегам жизни. Мы переписывались время от времени, но все реже — по мере того, как уменьшались области наших общих интересов. В конце концов на очень значительное время я вообще потеряла ее из виду, хотя время от времени в течение многих лет видела рецензии на ее научные книги и встречала упоминания о ней в самых передовых изданиях Классической Ассоциации и подобных влиятельных организаций. Я считала само собой разумеющимся, что к этому моменту у нас в принципе возникнут трудности с общением. Я заметила, что Салли не вышла замуж; «удивляться нечему», — глупо и недоброжелательно предположила я...

Когда пошел сорок первый год моей жизни, произошли две вещи, играющие важную роль для моего повествования. Во-первых, претерпев череду самых разнообразных неудач — детали, полагаю, излишни, — я вновь поселилась у своих родителей. Во-вторых, доктор Тесслер умер.

Я, вероятно, в любом случае узнала бы о его кончине, ибо мои родители, которые (как и я, и остальные соседи) никогда не видели доктора в глаза и потому питали к нему некий интерес. Так или иначе, впервые я узнала новость, когда увидела похоронные drogi. Я делала покупки по поручению матери и томилась от скуки и возмущения, когда заметила, как старый мистер Орберт снял шляпу, крайне редко покидавшую его лысину, и склонил голову в недолгом молитвенном поклоне. Через «пшеничный» узор, украшавший витрину магазина, я увидела проезжающий мимо старомодный (а потому очень богато украшенный) катафалк, запряженный лошадьми. На нем возлежал гроб, покрытый потертым пурпурным бархатом. Скорбящих, впрочем, вовсе не наблюдалось.

— Не думала, что когда-нибудь снова увижу конную повозку с гробом, мистер Орберт, — заметила старая миссис Ринд, стоявшая впереди меня в очереди.

— Бедняка хоронят, видать, — произнесла ее подруга, дряхлая миссис Эдж.

— Нет, — резко сказал мистер Орберт, нахлобучивая шляпу назад, — доктора Тесслера. Не думаю, что хоть один наследник приедет утрясти его последние дела.

Убеленное сединами старичье собралось в углу и пустилось в перешептывания; я же, только услышав фамилию «Тесслер», направилась к двери и выглянула наружу. Огромный древний катафалк, который тянули кони с черными пломажами на сбруях, выглядел каким-то слишком уж большим для узкой улочки, упо-

енной осенним духом. Впрочем, жизнь ведь не состоит из одних лишь идеальных соответствий. Я увидела, что вместо скорбящих за дргами с визгом и насмешками бежит группа мальчишек, чьи лица полускрыты ранними сумерками. Наверное, в нашем благоприятном городке такое поведение могло вполне сойти за возмутительное.

Впервые за несколько месяцев, если не лет, я задумалась о Салли.

Три дня спустя она без предупреждения появилась у входной двери моих родителей. Дверь ей открыла я.

— Привет, Мел, — сказала она мне.

Знаете, бывают такие люди, по прошествии многих лет обращающиеся к тебе так, как если бы ваша разлука длилась от силы пару часов. Вот с Салли был очень показательный случай. Более того, мне сперва показалось, что она и внешне не особо-то изменилась. Да, может быть, ее блестящие волосы сделались темнее на тон-другой, но остались все такими же коротко остриженными и слегка растрепанными. Ни одной морщинки не простило на ее бледной коже; пухлые губы складывались в знакомую улыбку — милую, но рассеянную. Ее наряд отличался простотой, делая ее одинаково не похожей ни на кухарку, ни на светскую женщину. Трудно было составить сколько-нибудь полное впечатление о ней по ее наружности.

— Привет, Салли! — Я поцеловала ее и пустилась в соболезнования, но она от этих моих притчаний только отмахнулась:

— Отец по-настоящему умер еще до того, как я родилась. Сама знаешь.

— Ну, я кое-что слышала. — Наверное, мой траур смотрелся бы искреннее, знай я чуть больше.

Салли сбросила пальто, опустилась перед огнем и сказала:

— Я прочла все твои книги. Мне все понравились. Стоило черкнуть тебе письмо.

— Спасибо, — поблагодарила я. — Жаль, что понравились они, похоже, тебе одной.

— Ты — художница, Мел. Нельзя везде и всюду рассчитывать на успех. — Она протянула к камину свои бледные руки.

Надо же, я — и «художница»? Для самой — новость. Впрочем, даже такое признание моих творческих по-туп грело душу.

Вокруг камина кругом выстроились обтянутые скрипучей кожей кресла. Я села рядом с подругой.

— Я часто читала о тебе в «Литературном обозрении», — сказала я, — но и только. И так шли годы. Долгие, долгие годы.

— Я рада, что ты все еще живешь здесь.

— Не «все еще», а «снова».

— Ого?.. — Она улыбнулась своей нежной, рассеянной улыбкой.

— Ну, чужбина задала мне хорошую трепку. В итоге я решила, что лучше вернуться.

— В любом случае, я рада застать тебя здесь. — Только это она и сказала — и никаких уточняющих вопросов.

— А у меня вот поводов для радости мало. Дивлюсь, откуда они у тебя!

— Мел, глупенькая. Я и сама теперь буду здесь жить.